

УДК 343.1

Значение прецедентной практики Европейского суда по правам человека для уголовно-процессуального права

Аббасова Фируза Мамед кызы

Доктор юридических наук,
профессор,
завкафедрой уголовного процесса,
Бакинский государственный университет,
AZ 1148, Азербайджанская Республика, Баку, ул. Захида Халилова, 23;
e-mail: Abbasova@mail.ru

Аннотация

Прецедентная практика Европейского суда по правам человека имеет непосредственное влияние на внутригосударственную правотворческую и правоприменительную практику. ЕСПЧ имеет субсидиарный характер, так как принимает конкретное дело в производство только в случае исчерпания всех внутренних средств правовой защиты. Для правовых систем государств, ратифицировавших Конвенцию, прецедентное право ЕСПЧ также выступает в качестве полноценного источника права наряду с нормами самой Конвенции. Прецедентное право ЕСПЧ состоит из конкретных решений данного органа по вопросам интерпретации и применения норм Конвенции. Прецедентное право ЕСПЧ имеет бинарный характер. С одной стороны, каждый прецедент ЕСПЧ – это казуальное решение конкретного дела, отдельно взятого казуса, входящего в сферу юрисдикции данного органа; с другой стороны, правовая позиция, сформулированная в решении ЕСПЧ по конкретному делу, приобретает статус официальной интерпретации той или иной нормы Конвенции. В статье рассматривается значение практики ЕСПЧ для национального уголовно-процессуального права.

Для цитирования в научных исследованиях

Аббасова Ф.М. Значение прецедентной практики Европейского суда по правам человека для уголовно-процессуального права // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 5А. С. 12-18.

Ключевые слова

Уголовный процесс, права человека, прецедентное право, юрисдикция, анализ, обобщение, теория, справедливый суд, иные права, правовая характеристика.

Введение

Согласно принципу приоритета прав и свобод личности перед интересами государства, граждане, которым не удалось восстановить свои нарушенные права средствами внутригосударственного правозащитного характера, имеют право обращения в органы межгосударственного правозащитного характера. Одним из таких межгосударственных органов и основным на настоящий момент является Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Государства, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.) (далее – Конвенция), *ipso facto* (в силу самого факта ратификации) признают исключительную юрисдикцию ЕСПЧ в вопросах официальной и обязательной интерпретации (толкования) Конвенции и Протоколов к ней. Признание данной юрисдикции также влечет за собой обязательность исполнения решений ЕСПЧ, констатирующих факт нарушения норм Конвенции государством, в отношении которого было принято и вступило в силу соответствующее решение. Из этого следует, что для правовых систем государств, ратифицировавших Конвенцию, прецедентное право ЕСПЧ также выступает в качестве полноценного источника права наряду с нормами самой Конвенции. Прецедентное право ЕСПЧ состоит из конкретных решений данного органа по вопросам интерпретации и применения норм Конвенции. Так как прецедентное право ЕСПЧ создается в рамках Совета Европы и является императивным образцом интерпретации положений Конвенции, оно приобретает обязательный характер для всех государств – участников Конвенции вне зависимости от того, против какого государства было принято то или иное решение. Естественно, иные государства юридически не связаны с отдельно взятыми решениями ЕСПЧ, которые были приняты и адресованы конкретному государству (например, Азербайджан юридически не связан с решениями ЕСПЧ по делам против России, Россия юридически не связана с решениями, адресованными Азербайджану), но вместе с тем без учета официального образца интерпретации той или нормы Конвенции, даже сформулированного в решении ЕСПЧ принятого против иного государства, риск нарушения либо неправильного применения Конвенции в национальной правовой системе увеличивается в разы, что чревато уже ответственностью государства, игнорировавшего официальное толкование нормы Конвенции с мотивом того, что оно было сформулировано в решении против иного государства.

Основная часть

Прецедентное право ЕСПЧ имеет бинарный характер. С одной стороны, каждый прецедент ЕСПЧ – это казуальное решение конкретного дела, отдельно взятого казуса, входящего в сферу юрисдикции данного органа; с другой стороны, правовая позиция, сформулированная в решении ЕСПЧ по конкретному делу, приобретает статус официальной интерпретации той или иной нормы Конвенции, что, в свою очередь, придает данному решению общеобязательный характер для всех государств – участников Конвенции, независимо от того, против которого из них данное конкретное решение было принято.

Решения ЕСПЧ, адресованные конкретному государству (например, решения по делам против Азербайджана), выступают для «адресата» в качестве правоприменительного акта, так как они констатируют факт нарушения той или иной статьи Конвенции относительно отдельного обстоятельства дела, предусматривают санкции против «адресата», устанавливают меры компенсации для потерпевших от нарушений права в конкретно взятой ситуации. Тем не

менее данные решения также важны и для государств, не являющихся прямым адресатом этих решений, с точки зрения понимания и дальнейшего применения во внутригосударственной правоприменительной практике правовых позиций ЕСПЧ.

Не случайно ЕСПЧ, вынося решение против конкретного государства, для аргументации своей позиции всегда ссылается на свои решения, принятые против иных государств по аналогичным делам. ЕСПЧ сам руководствуется своим же прецедентным правом для реализации функции толкования Конвенции, и при этом он не связан субъектным составом ссылаемых прецедентов. Исходя из этого качества прецедентного права, можно сделать вывод о том, что решения ЕСПЧ, принятые против иных государств, обязательны для третьей стороны, например для Азербайджана, в частях, отражающих в себе официальное толкование положений Конвенции и Протоколов к ней. Учитывая общеобязательный характер всех решений ЕСПЧ вне зависимости от государства-адресата, некоторые авторы указывают на необходимость принятия соответствующего отраслевого законодательства, например закона «О порядке опубликования решений Европейского суда по правам человека», что обеспечит их доступность, единое понимание, возможность изучения и практического применения [Воронцова, 2009, 119; Копылова, 2008, 27].

ЕСПЧ – это орган, вырабатывающий стандарты в области защиты и восстановления прав и свобод человека. Прецедентное право ЕСПЧ имеет непосредственное влияние на внутригосударственную правотворческую и правоприменительную практику. Следует помнить, что ЕСПЧ не является альтернативой национальной юрисдикции, а имеет субсидиарный характер, так как принимает конкретное дело в производство только в случае исчерпания всех внутренних средств правовой защиты. Иными словами, первоначальная ответственность за обеспечение и защиту прав и свобод, перечисленных в Конвенции, лежит на национальных властях, в первую очередь на судах. Следовательно, перекладывание на ЕСПЧ ответственности за наведение порядка в государствах – участниках Конвенции в области соблюдения прав человека недопустимо, так как функции ЕСПЧ являются вспомогательным механизмом Конвенции, применимым только тогда, когда государства – участники Конвенции не выполняют обязанности по гарантии и защите прав и свобод человека.

В случае установления нарушения прав и свобод на государство, являющееся ответчиком, налагаются конкретно сформулированные обязательства по принятию мер индивидуального и общего характера. В своем решении от 31 октября 1995 г. по делу *Paramichalopoulos v. Greece* ЕСПЧ указал, что меры индивидуального характера касаются частной ситуации заявителя, призваны положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения. Основной мерой индивидуального характера является выплата компенсации «жертве» нарушения права. Меры общего же характера преследуют цели превенции и профилактики, направленные на предотвращение новых нарушений Конвенции, аналогичных нарушениям, выявленным решением ЕСПЧ (анализ правоприменительной практики; оценка действующего законодательства на предмет соответствия положениям Конвенции; реформирование последнего в необходимых случаях и его гармонизация с международными стандартами в сфере прав человека, установленными ЕСПЧ; осуществление просветительных мероприятий среди должностных лиц государственных органов и т. п.).

Реализация мер общего характера создает благоприятные условия для выполнения главного предназначения Конвенции – поддержания в европейских государствах единых минимальных стандартов в области основных прав и свобод человека. Обязательства по принятию мер общего

характера превращают Конвенцию в конституционный инструмент европейского правопорядка, от которого зависит демократическая стабильность всего континента [Лобов, 2001, 90-94].

Представляется, что для уголовно-процессуального права наиболее важной является прецедентная практика ЕСПС относительно стандартов справедливого судебного разбирательства. В ст. 6 Конвенции декларируется и гарантируется право на справедливое судебное разбирательство (право на справедливый суд). По структуре ст. 6 является сложной и состоит из нескольких частей. Согласно ч. 1 ст. 6 Конвенции, каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, если это требуется в интересах несовершеннолетних, для защиты частной жизни сторон или (в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо) при особых обстоятельствах, когда гласность нарушила бы интересы правосудия.

Исходя из данного положения можно сделать вывод о том, что в систему элементов общего характера права на справедливый суд входят следующие стандарты:

- 1) доступность правосудия в случаях правовых споров уголовного либо гражданского характера;
- 2) наличие судебной системы, функционирующей только на основе закона;
- 3) недопустимость неоправданных задержек при осуществлении правосудия (принцип разумного срока судебного разбирательства);
- 4) осуществление правосудия беспристрастным (непредвзятым и лично не заинтересованным в исходе дела) судом;
- 5) осуществление правосудия в гласной форме, за исключением допустимых законом случаев проведения закрытых судебных заседаний.

С учетом особенностей сферы уголовного правосудия, заключающихся в повышенном риске ограничения и нарушения прав человека, в ст. 6 Конвенции предусмотрены дополнительные стандарты, предъявляемые к производству по уголовным делам. Важнейшую роль среди таких дополнительных стандартов справедливости для уголовного правосудия играют стандарты презумпции невиновности. Согласно презумпции невиновности, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в законном порядке (ч. 2, ст. 6 Конвенции). Стандарт соблюдения презумпции невиновности требует, в частности, чтобы при исполнении своих обязанностей члены суда не исходили из предубеждения, что обвиняемый совершил преступление, в котором он обвиняется. Согласно этим стандартам, бремя доказывания (*onus probandi*) несет обвинение и любое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого (см. The case of Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain).

К дополнительным стандартам справедливости уголовного правосудия также можно отнести стандарты по минимальным правам уголовно преследуемых лиц. Вместе с тем корреляционные связи между минимальными правами уголовно преследуемых лиц и справедливостью уголовного правосудия состоят в том, что само по себе соблюдение минимальных прав еще не является неоспоримым показателем справедливости всего судебного

разбирательства. Минимальные права уголовно преследуемых лиц играют роль некоей «красной линии», которую ни при каких обстоятельствах нельзя пересечь. В систему минимальных прав для уголовно преследуемых лиц в контексте декларированных и гарантируемых Конвенцией прав человека входят права:

- 1) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном им языке о характере и основании предъявленного им обвинения;
- 2) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
- 3) защищать себя лично или посредством выбранных ими защитников или, если у них недостаточно средств для оплаты услуг защитника, воспользоваться услугами назначенных им защитников бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;
- 4) допрашивать показывающих против них свидетелей или иметь право на вызов и допрос свидетелей в их пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против них;
- 5) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если они не понимают языка, используемого в суде, или не говорят на этом языке.

Кроме вышеперечисленных прав, предусмотренных для уголовно преследуемых лиц, в ст. 6 Конвенции также содержатся некоторые имплицитные права, которые прямо не предписаны в тексте Конвенции. Одним из таких прав является право на хранение молчания, т. е. не свидетельствовать против самого себя. Согласно прецедентной практике ЕСПЧ, если заявитель укажет на факт о том, что он, будучи преследуемым в уголовном порядке, был вынужден свидетельствовать против себя, судебное разбирательство в отношении этого лица должно считаться несправедливым.

После принятия Конвенции были приняты и другие международные документы, защищающие права человека, последние отражали в себе и те права, которые не декларировались в Конвенции. Среди таких «новых» прав имелись и те, которые прямо относятся к уголовно-процессуальному праву. Например, право на повторное обращение в вышестоящий суд для пересмотра дела, право на *ne bis in idem* (запрет повторного преследования (осуждения) за одно и то же деяние), право на компенсацию за незаконное осуждение и т. п. были задекларированы в масштабе международного правового документа на 16 лет позже принятия Конвенции – в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Заключение

Уникальность Конвенции заключается в том, что она динамична, этот документ постоянно развивается и расширяется. Дополнение Конвенции рядом Протоколов служит доказательством данного суждения. В результате принятия дополнительных Протоколов Конвенция приобретает совершенный и универсальный контент, отражающий в себе (в непосредственной либо в имплицитной форме выражения) все права человека. Если продолжить проведение параллелей между Конвенцией и Международным пактом о гражданских и политических правах, следует отметить, что протоколами, принятыми позже, все права, относящиеся к уголовно-процессуальному праву, также нашли свое отражение и в Конвенции. Так, например, Протоколом 7, принятым в 1984 г., было признано право каждого осужденного судом к уголовной ответственности обращаться в вышестоящий суд для пересмотра приговора суда в отношении него. Протокол 7 также запретил повторное преследование (осуждение) за одно и то же преступление и т. д.

Библиография

1. Воронцова И.В. Значение постановлений Европейского суда по правам человека // Современное право. 2009. № 8. С. 117-121.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
3. Копылова Е.Ю. Проблемы имплементации норм международного частного права во внутреннее право иностранных государств // Международное публичное и частное право. 2008. № 4. С. 24-28.
4. Лобов М.Б. Исполнение решения Европейского суда по правам человека: возможные правовые последствия для Российской Федерации // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 89-96.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
6. The case of Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain. URL: [http://cambodia.ohchr.org/sites/default/files/echrsources/Barbera,%20Messgué%20&%20Jabardo%20v.%20Spain%20\[6%20Dec%201988\]%20\[EN\].pdf](http://cambodia.ohchr.org/sites/default/files/echrsources/Barbera,%20Messgué%20&%20Jabardo%20v.%20Spain%20[6%20Dec%201988]%20[EN].pdf)
7. The case of Papamichalopoulos and others v. Greece. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/05296f/pdf/>

The significance of the case-law practice of the European Court of Human Rights for criminal procedure

Firuz M. Abbasova

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of criminal procedure,
Baku State University,
AZ 1148, 23, Zahid Khalilov st., Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: Abbasova@mail.ru

Abstract

The article aims to identify the significance of the case-law practice of the European Court of Human Rights for criminal procedure. It points out that the case-law practice of the European Court of Human Rights has a direct impact on domestic lawmaking and law enforcement practice. The European Court of Human Rights is subsidiary, since it deals with a specific case only if all domestic remedies have been exhausted. The case law of the European Court of Human Rights also acts as a full-fledged source of law for the legal systems of states that have ratified the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The case law of the European Court of Human Rights consists of specific judgments concerning the interpretation and application of the convention. The author of the article pays attention to the fact that the case law of the European Court of Human Rights is binary. On the one hand, each precedent of the European Court of Human Rights is a casual decision, a single incident within the jurisdiction of this body; on the other hand, the legal position, formulated in its judgment, acquires the status of an official interpretation of a particular norm of the convention.

For citation

Abbasova F.M. (2019) Znachenie pretsedentnoi praktiki Evropeiskogo suda po pravam cheloveka dlya ugolovno-protsessual'nogo prava [The significance of the case-law practice of the European Court of Human Rights for criminal procedure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (5A), pp. 12-18.

Keywords

Criminal proceedings, human rights, case law, jurisdiction, analysis, generalisation, theory, fair trial, other rights, legal characteristics.

References

1. *Konventsiiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ [Accessed 28/04/19].
2. Kopylova E.Yu. (2008) Problemy implementatsii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava vo vnutrennee pravo inostrannykh gosudarstv [The problems of the implementation of the norms of international private law in the domestic law of foreign states]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 4, pp. 24-28.
3. Lobov M.B. (2001) Ispolnenie resheniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: vozmozhnye pravovye posledstviya dlya Rossiiskoi Federatsii [Executing the judgments of the European Court of Human Rights: possible legal consequences for the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe pravo. Vostochnoevropeiskoe obozrenie* [Constitutional law. Eastern European review], 3, pp. 89-96.
4. *Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh* [International Covenant on Civil and Political Rights]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml [Accessed 17/08/18].
5. *The case of Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*. Available at: [http://cambodia.ohchr.org/sites/default/files/echrsource/Barberà,%20Messegue%20&%20Jabardo%20v.%20Spain%20\[6%20Dec%201988\]%20\[EN\].pdf](http://cambodia.ohchr.org/sites/default/files/echrsource/Barberà,%20Messegue%20&%20Jabardo%20v.%20Spain%20[6%20Dec%201988]%20[EN].pdf) [Accessed 28/04/19].
6. *The case of Papamichalopoulos and others v. Greece*. Available at: <https://www.legal-tools.org/doc/05296f/pdf/> [Accessed 28/04/19].
7. Vorontsova I.V. (2009) Znachenie postanovlenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [The significance of judgments of the European Court of Human Rights]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 8, pp. 117-121.